

Любовь Безбах

БЕЛАЯ ЛУНА

Расстояние от Карависины до Лит-Латая внушительное, три недели ходу по прямой, но выбирать не приходится: лучшие пассажирские суда рождаются именно на верфях Карависины. И самые дорогие. Однако я, одиннадцать лет посвятив каботажным пассажирским перевозкам в солнечной системе Лит-Латай, скопил достаточно средств, чтобы без страха взять недостающую сумму в кредит и купить «пассажира», предназначенного для межзвездных путешествий. «Белая луна» — малогабаритный транспорт с дедвейтом всего три тысячи тонн, но это суденышко, только сошедшее со стапелей завода, теперь было моим, и теперь я не без трепета обходил свои новые владения. Машинный отсек блестел нетронутой новизной, шесть гравитаторов еще ни разу не запускались. Просторный док с аппарелью пересекали четыре железнодорожных колеи, освещенные двумя прожекторами; пустые ниши для пассажирских шлюпок, флаеров и личных космических яхт вдоль бортов тонули во мраке. Скоро сюда, повинуюсь командам из операторской рубки, начнут загонять

летательные аппараты с пассажирами, и тогда док осветится сверху донизу.

Боевая рубка на «пассажире» не предусматривалась. Как и всем перевозчикам, мне придется нанимать боевой эскорт для охраны судна от космических пиратов, которыми до сих пор кишмя кишат некоторые уголки Содружества. Разнокалиберные банды, промышляя, частенько появлялись на трассах. Поэтому крупные транспорты оснащались пушками. Обладать такими судами могли только солидные компании, но никак не самостоятельные кентавры вроде меня. Самостоятельность наша была ограниченной: приходилось объединяться в артели, чтобы не быть съеденными какой-нибудь особенно жадной акулой бизнеса.

Впрочем, я до сих пор в глаза не видел ни одного пирата и нанимал сопровождение только потому, что без него Судовой Регистр не выпустит из космопорта ни одно судно с грузом или с пассажирами.

Третья палуба, предназначенная для пассажиров, так же стыла тишиной. Мои шаги почти не нарушали ее, пружинящее палубное покрытие гасило звуки. Пассажирские каюты опечатали Департамент пассажирских перевозок, точнее, его представители на Карависине. Пломбы сорвут уже на Лит-Латае, и тоже работники

Департамента, но только после того, как я обзаведусь лицензией на перевозку восьмисот человек, не считая членов будущего экипажа. Готовую лицензию я получу по прибытии на Лит-Латай, а экипаж для «Белой луны» агентство по найму уже укомплектовало.

Дома, на Лит-Латае, ждала семья — Антонина и трое детей, но увидимся мы только мельком, пока моя юная красавица будет бункероваться и запасаться провизией. Шипчандлер на Лит-Латае расторопный, все сделает быстро, и можно сразу принимать первых пассажиров. Первые — они получают памятные подарки. Это обещает рекламный ролик, заказанный мною на местном телевидении. Артель перевозчиков доверила мне выгодный маршрут: Лит-Латай — Палладия — Марс — Лит-Латай с массой остановочных пунктов, и вряд ли «Белая луна» будет путешествовать полупустой.

Наконец я добрался до ходовой рубки и окинул ее собственническим взглядом. К ней примыкала тесная рубка связи без двери. Сложное хозяйство еще спало, ожидая моего прикосновения. До Лит-Латая судно можно перегнать самостоятельно, полагаясь на помощь автопилота, что я и намеревался сделать. Ничто не мешало сэкономить на боевом эскорте и на экипаже, когда пары рук было вполне достаточно.

Назначенный час настал. Я уселся в эргономичное кресло первого пилота. Под пальцами ожили навигационные приборы, осветились экраны и радары. Пульт сообщил о нормальной работе двигателей. Диспетчер Карависинского космопорта приветствовал меня привычной скороговоркой. Я включил все обзорные экраны. Освещение в рубке погасло автоматически, уступив натиску местного светила.

Под командами диспетчера катера портофлота мягко потянули «Белую луну» ввысь, набирая скорость. Меня вдавило в кресло: гравитаторы еще бездействовали и не защищали от тяготения Карависины.

Сколько раз я наблюдал, как планета проваливается вниз, выгибаясь горбом, то коричневым, то бело-синим, как темнеет и загорается звездами небо, и не мог налюбоваться. Карависина — планета многоводная, голубая. Прямо подо мной закручивалась белая спираль циклона. Возник соблазн сгрести ложкой эту аппетитную на вид «пену» и съесть.

В рубке снова зажглось освещение.

На высоте тысячи метров катера дружно отвалили от бортов моей красавицы и ушли вниз. Дальше я действовал самостоятельно, выводя «Белую луну» на орбиту, которую указал диспетчер. Пространство заполняли корабли,

прибывающие и убывающие, а заодно и летательные аппараты, которые работали на благо жителей Карависины. Совсем близко от «Луны» прошел орбитальный мусоросборщик, сияя многочисленными огнями, за ним, мельтеша, пролетел длинный состав из мусорных контейнеров, следом протащилась огромная магнитная ловушка, замутив звездное небо. Мы с капитаном поприветствовали друг друга — просто потому, что оказались рядом.

Больше «Белая луна» никогда не опустится на земную твердь. Пассажиров суда принимают на орбите. И даже демонтируются на орбите, когда доживают до почетной старости.

Что и говорить, жизнь была прекрасна!

Отойдя от планеты на расстояние, предписанное Галактическим Кодексом, я включил гравитаторы и увел свою «девочку» в подпространство.

...Прошли две недели пути. Время тянулось убийственно медленно. Я гнал порожнюю «Луну» по прямой, вдали от трасс, и автопилот до сих пор ни разу не известил о близости другого транспорта. Гравитаторы в подпространстве работают исправно девять часов подряд, а потом начинают шалить, «проваливать» судно, по ощущениям — настоящая качка, будто в море. Поэтому каждые девять часов я выводил красавицу из подпространства. Слушал

эфир, но в космосе было тихо. Других дел у меня не имелось. От скуки по несколько часов в день занимался в тренажерном зале.

Теперь я жалел, что не нанял напарника. А чем напарнику заниматься на пустом судне, которое пилотируется в автоматическом режиме?!

Однажды мне показалось, будто на «Луне» стало чересчур уж тихо. Музыка я выключил пару дней назад — надоела, да и в голове крутилась даже тогда, когда не играла. Я высунулся из каюты и прислушался. Коридор, каким был пустым, таким и остался, и я вернулся назад. Да, вот в чем дело: перестали тикать часы. Я смотрел на неподвижные стрелки, и они казались мне мертвее мертвого. Вокруг сгустилась гробовая тишина, плотная, как вата, пространство съежилось и сдавило меня со всех сторон. Волосы на голове шевельнулись. Я отступил от часов и бросился вон. Торопливые шаги прозвучали в пустом коридоре пугающе гулко. Я влетел в рубку, задвинул дверь, словно за мной гнались, и уставился на хронометр. Бездушный, холодный, он безмолвно отмерял секунды бытия. Время не остановилось, жизнь по-прежнему текла вперед.

Я рухнул в кресло пилота, глотнул сухим горлом и оттер со лба пот. Гравитаторы исподволь покачивали судно, я повернулся к пультам и вышел из подпространства.

Перемигнулись приборы: «Луна» огибала неведомое препятствие. Включить обзорные экраны я не удосужился.

Отсидевшись, я побрел в каюту. Там сменил у часов «севшую» энергопластинку — руки еще тряслись. Часы снова затикали.

Прошли, значит, всего две недели одиночества, а я уже на грани нервного срыва?! А впереди еще неделя! Что мешало нанять этот чертов эскорт, который бы маячил в обзорных экранах, да с ребятами можно было поговорить хотя бы дважды в сутки, пока суда идут в обычном пространстве?

Я перенес пожитки в ходовую, решив поселиться здесь окончательно. Спать можно и на полу, на матрасе. Заодно решил следить за временем и больше так не попадаться. Даже часы с собой забрал, чтобы слышать тиканье, и подсоединил их к пульта управления — на случай, если вдруг энергопластинка снова сядет.

Успокоившись, я почувал, что на судне что-то не так. Окинул беглым взглядом приборы. Радар чернел пустым полем. Что не так?! Неужто и в самом деле нервный срыв? У меня?! Быть того не может!

Дверь в рубку была открыта, и я отчетливо услышал посторонний звук... Галлюцинации — немедленно решил я и посмотрел на экран

индивид-счетчика. В ходовой рубке, как и положено, присутствовала одна «индивид-единица», то есть я. И еще одну «единицу» я узрел на третьей палубе!

Я пулей вылетел из кресла и метнулся из рубки в коридор. В голове билась одна-единственная мысль: пираты!

Никогда еще дорога из ходовой до каюты не казалась настолько длинной. Там, в каюте, я хранил единственное сейчас на судне оружие — сороказарядный парализующий энергомет орзусской сборки. Торопливо отперев сейф, я выхватил парализатор и громко клацнул затвором. Прыжком выскочил из каюты. В коридоре — никого. Наступая пальцами ноги на пятку, стянул обувь. Бесшумно ступая ногами в носках, дошел до лифта. Здесь посторонний звук был отчетливей, и доносился он из пассажирского отсека.

В лифт я не пошел, чтобы не шуметь. Тихо спустился по трапам на третью палубу. Кто-то, не таясь, расхаживал по коридорам и грохотал дверями неопломбированных помещений. И еще этот кто-то зазывал:

— А-а-а-у!

Звук «а» он удлинял, заканчивая коротким «у». «Что за нерусь? — удивился я, нервно сжимая увесистый парализатор. — И, главное, где остальные?»

Осторожно сойдя с трапа, я прижался к стене. Полное освещение включалось из помещения бортпроводниц или из ходовой, а на присутствие человека срабатывало только аварийное, которое позволяло не заблудиться впотьмах. Чужое присутствие я скорее почувствовал, чем увидел. А увидел сначала два светящихся желтых глаза. Меня посетила дурацкая мысль: бандиты состыковались с «Луной» и зачем-то подбросили какую-то зверюгу. Я вскинул ствол.

В ответ на воинственный жест глаза презрительно фыркнули. При скудном свете проявилась фигура в легком скафандре с откинутым на спину шлемом. И только разглядев голову, я догадался: озиец!

Это и впрямь был озиец, человекоподобное существо с плешивой головой на изящной шее. Округлые уши на макушке стояли торчком. Я не разбирался в озийской мимике, но тот, похоже, улыбался, причем с нескрываемым превосходством.

Ни разу в жизни я не видел озийцев «вживую». Контакт с ними наладить не удавалось, озийцы запрещали людям опускаться на свои планеты шлюпки и челноки. За разбой соотечественников-пиратов власти Озийих отвечать отказывались.

Так что, столкнувшись с представителем загадочной расы нос к носу, я остолбенел. И

испугался пуще прежнего: озийцы-пираты отличались невероятной жестокостью. Астронавты между собой поговаривали, будто те и человечинкой не брезгуют...

Я прощупал взглядом скафандр чужака, но оружия не заметил. А кто их знает, какое они носят оружие?

— Где остальные? — хрипло спросил я и удивился звучанию собственного голоса, от которого успел отвыкнуть.

— А ты-и-и — дикий! — выдал вдруг озиец и рассмеялся.

Я был поражен. Во-первых, я не предполагал, что представитель иной расы умеет смеяться, а во-вторых, голос оказался похожим на женский и оттого неприятно резанул слух.

— Где остальные, я спрашиваю?! — рявкнул я.

— Больше никого.

Озиец говорил по-русски, неумело растягивая слова, но вполне разборчиво.

— Что ты здесь делаешь?

— А ты-и-и? Здесь не летают даже... ваши мухи.

— Что? Какие мухи?

Что за чепуху он мелет? Отвлекает?

— Что ты здесь делаешь? — повторило существо.

— Я — владелец этого транспорта. Выметайся отсюда, пока заряд не слопал!

Озиец приблизился почти вплотную и произнес:

— Дай води. Я хочу пить.

Я колебался, стрелять или нет, мысли мои метались.

— Пушку убери, — посоветовал озиец и вдруг добавил совсем по-русски:

— А, пошел ты-и...

Он прошествовал мимо меня к лифту и повернулся спиной к энергомету. И я опустил ствол...

Чертыхнулся я только тогда, когда цепкие пальцы озийца стиснули мое горло, а его колено вдавилось мне в живот. Я оказался прижатым к стене. Парализатор брякнулся под ноги. Чертыхнулся я только мысленно, н-да... Потому как не мог произнести ни одного членораздельного звука.

— Я слышал, что люди, точно русские, знаменитие гостем... гостепримством. Я хочу пить. Дай мне води.

Озиец разжал хватку. Я закашлялся, согнувшись и схватившись за горло. Отдышавшись, я повел озийца в свою каюту. Со злостью схватил первую попавшуюся кружку (попалась полулитровая), набодяжил воды аж с горкой и

грубо сунул чужаку в лапу. Тот приник к воде и закатил глаза от удовольствия.

Вторую кружку он пил медленней. Я боролся с острым желанием дать сдачи, пока он пьет, но этот было бы... неблагородно.

Чужак опустошил кружку, вперил в меня ледяной взгляд и представился:

— Ямайсуунмахангардвсхш.

Услышав длинное непроизносимое имя со змеиным шипением в конце, я даже ухом не повел. Недаром я одиннадцать лет проработал с клиентами! Имена попадались самые разные.

— Юрий Викторович Табунов, владелец пассажирского транспорта «Белая луна», — представился, в свою очередь, я.

Светло-желтые круглые глаза с яркими крапинками не мигали. Огромные черные зрачки сузились и превратились в хищные вертикальные полосы. Точно так же на меня смотрел из-за ограждения лев в саванне. От взгляда озийца мне было сильно не по себе. Съесть он меня, что ли, хочет? Я был готов к отчаянной схватке. Голыми руками задавлю, но живым не дамся!

— Вы не ответили на вопрос, — сказал я. — Где ваши товарищи?

— Нет никого. Я одно. Один.

— Что-то верится слабо.

Меня так и подмывало броситься в ходовую и

посмотреть на индивид-счетчик. Я был уверен, что «Луна» уже захвачена озийскими пиратами, а эта особь только отвлекает меня.

А, в сущности, чего ради меня отвлекать? Их целая банда, а я один. Какую опасность я для них представляю? На горле еще горели следы от озийских пальцев, да и живот, похоже, болеть будет долго.

— Метеорит повредил мой корабль, — ровным голосом сообщил чужак. — Если я не удалось запеленговать твой судно, я погиб. Только поэтому я здесь.

В голосе, самым мерзопакостным образом напоминающим женский, отчетливо сквозило презрение.

— Где твой судно? — неприязненно буркнул я.

— Пристыкован к твоей.

Тут озиец широко улыбнулся, обнажив два ряда настоящих зазубренных клыков. Улыбка, тем не менее, показалась мне на удивление приятной. Я злобно плюнул под ноги чужаку и спросил:

— Чего ты от меня хочешь?

— Мы-и-иться и спать. Говорить... завтра.

— Мыться? — тупо переспросил я.

Я представил, как чужак моется в душевой для обслуживающего персонала (пассажирские были опломбированы), и от омерзения покрылся

мурашками. Он, паскуда, помоемся, а мне где потом мыться прикажете?!

— Миться, — повторил озиец, не отводя ледящего взора.

Я подумал о зазубренных клыках, машинально потрогал шею и скрепя сердце повел незваного гостя в душевую. По пути размышлял, куда уложить его спать. И, главное, серьезны ли повреждения его транспорта. От степени повреждений напрямую зависело, когда эта цивилизованная bestия уберется отсюда. Озиец шел следом, громко бухая тяжелыми сапогами, и от его присутствия за спиной мне сводило лопатки. Я не исключал внезапного нападения. Он уже раз напал... когда стоял ко мне спиной. По пути я ткнул пальцем в хозяйственный отсек:

— Постельное здесь, сам возьмешь. Бортпроводника, как видишь, нет.

— А ты гостепримный, — не без насмешки заметил чужак.

— Гостеприимный, — поправил я, желая хоть в чем-то проявить превосходство.

В душевой скафандр на озийце с щелчком раскрылся. Я невольно отвел взгляд, успев-таки заметить на парне какую-то одежду.

— Через двадцать минут принесешь мне кружку воды, — бесстрастно сказал озиец.

Счас, побежал!

— И полотенце. Я оставил вещи на корабле.

Я молча покинул душевую. Этот бандюга вломился на мое судно и командует тут, как хочет! Руки чешутся свернуть ему шею! Шея-то смешная, тонкая, ее свернуть — делать нечего. Начнет снова командовать — так и сделаю.

Я вбежал в ходовую и первым делом сунулся к индивид-счетчику. На «Луне» по-прежнему было только двое. Я с облегчением перевел дух. Однако я не мог отделаться от желания прочесать судно, а заодно и подобрать парализатор. Приборы извещали, что с «Луной» состыковано судно с дедвейтом в семьсот двадцать тонн. Я включил обзорный экран с видом на стыковочный узел и включил прожекторы. Суденышко иноземной конструкции скалилось орудийными башнями среднего калибра. Парень попался серьезный, однако. Борт канонерки был смят от удара вскользь. Оплавленный металл маслянисто блестел под светом прожекторов.

Приборы фиксировали отсутствие воздуха на состыкованном судне. Любопытно... Я живо представил банду чужаков, упакованных в скафандры, ждущих команды главаря напасть на мое суденышко... А главарь между тем плещется в воде, как ни в чем не бывало, оскверняя мою душевую. Воды ему принести, да еще ровно через двадцать минут! Еще и время засекают, значит?

Время... Я кинул взгляд на часы, и вдруг мне показалось, будто они снова остановились. Нет, они тикали, и табло электронного хронометра с ними в унисон отмеряло секунды. Я успел облиться холодным потом.

Может, я с ума спятил за неделю затворничества?

Осматривать весь корабль — и в самом деле безумие. Придется положиться на показания приборов. Я спустился на третью палубу и подобрал парализатор. Старался все делать бесшумно и непрерывно прислушивался. «Белая луна», неделю назад радовавшая новизной, теперь казалась пыльной и неухоженной. Кто скажет, откуда в глубоком космосе берется пыль?

Ровно через двадцать минут я шел в душевую с полулитровой кружкой воды и с полотенцем через плечо.

Дверь в душ была приоткрыта, за ней шумела вода. Я поставил кружку на скамью и уже собирался уходить, но краем глаза увидел то, что заставило меня резко обернуться. Это была всего лишь рука, высывающаяся из-за двери душевой кабинки. Рука безвольно лежала на полу. Не рука, лапа. Да, именно лапа, страшно похожая на человеческую руку.

Я отшвырнул в сторону дверь кабинки. Озиец лежал на полу под струями воды. Неужели умер?

Умер на борту моей красавицы?! С перепугу я даже не успел толком его рассмотреть. Торопливо закрыл воду и поднял его с пола. Озиец оказался не слишком тяжелым, но я отметил это мельком, не до того было. Я положил его на скамью. Один глаз озийца наполовину раскрылся.

— Пить, — произнес он. Я, придерживая его одной рукой, другой сунул ему под нос кружку. Озиец обхватил ее двумя руками, выпил все до капли и снова уронил голову. Кружка скатилась на пол. «Да он спит!» — с изумлением догадался я.

Догадка сразу меня успокоила. Я набросил полотенце на тело озийца да так и оставил на скамье в душевой. Пусть себе дрыхнет, раз ему здесь нравится.

А я пока осмотрю озийское суденышко.

В скафандровой нише я влез в легкий скафандр, стараясь не выпускать из рук парализатор. Экипировавшись, прошел в шлюзовой тамбур. В кингстонах зашипел уходящий воздух. Кровь кипела, как лава в жерле вулкана. Я раздраил люк шлюзового тамбура и проник на борт канонерки.

Иноземный корабль стыл безлюдьем так же, как и «Белая луна». Это потрясло меня не меньше, чем если бы я обнаружил здесь целую банду. Выходит, это чучело и в самом деле путешествовало в гордом одиночестве. Значит,

судно пострадало от скользящего удара космическим камнем, разгерметизировалось, и если бы озийцу не подвернулся презренный человек, он задохнулся бы под надежной защитой скорострельных установок.

В рубке, единственной на весь корабль, я увидел большой тяжелый сундук, который озиец явно собрал заранее. Удивительно, как он сразу ко мне с сундуком не вперся... Его корабль, разгерметизированный и лишенный воздуха, был непригоден для полетов. А это означает... Черт, а что я теперь буду делать с инопланетянином на борту?!

А ничего. Буду лететь своей дорогой, а с озийцем путь разбираются власти. Мое дело — сообщить о нем сразу, как только я войду в зону действия связи Лит-Латая.

У меня словно гора с плеч свалилась. Вернувшись на «Луну», я заглянул в душевую. Чужак спал на прежнем месте. Как бишь его зовут? Вот черт... Прикрыв дверь душевой, я прошел в ходовую и увалился на матрас. Все же меня что-то беспокоило, грыз какой-то червячок, но что именно, я никак не мог разобраться. Что-то не то было с самим инопланетянином... Хотя что я смыслю в озийцах? Додумать мысль я не успел, провалившись в сон.

Корабельным утром я бодро пошел на камбуз,

привычно минуя умывальню. Меня, однако, опередили. На камбузе всюду шурувал чужак, обыскивая отключенные холодильные камеры. Мое настроение покатило вниз. Озиец добрался до работающих холодильников, выхватил с полки кусок вяленого мяса и бросил его на стол. «Как ни крути, а пассажира надо кормить, — подумал я, пытаясь примирить себя с самовольным вторжением на камбуз. — Можно начать с того, что я не знаю, чем озийцы питаются. Пусть сам выбирает, что ему надо. С другой стороны, его не придется обслуживать».

В длинных пальцах озийца чудом появились сразу два узких белых лезвия, которыми он стал сноровисто шинковать мясо. Я мгновенно забыл о своей неприязни и подобрался ближе. Озиец удерживал лезвия между вытянутых пальцев. Мне не терпелось посмотреть на ножи, и я протянул руку:

— Дай-ка взглянуть...

Озиец окатил меня желтым взглядом и перевернул лапу ладонью вверх. Прямо из пальцев развернулись еще три лезвия наподобие складных ножей. Рукоятками служили пальцы озийца.

— Что это? — поразился я.

— Когти, — любезно сообщил чужак и одарил меня великолепной клыкастой улыбкой. Он продемонстрировал вторую руку с аналогичным

набором. Вот это арсенал! Плюс два ряда зазубренных клыков. А я-то грешным делом собирался справиться с этим чучелом голыми руками! Я с раздражением отвернулся и, в свою очередь, полез в холодильник. Меня не покидало пренеприятнейшее чувство, что командование транспортом находится под вопросом. Сопя от злости, я загрохотал в холодильнике банками, выбирая завтрак. Убью паскуду, пусть только сунется. Задавлю гада. Я вытащил из автопекарни свежий хлеб. Чужак на него не соблазнился. Вот и замечательно.

Скафандра на нем не было, только одежда, похожая на светлый полуспортивный костюм, какой многие любят носить дома. Я следил за озийцем краем глаза. Слежка его не смущала. Он с аппетитом умял весь кусок и запил томатным соком.

— Спасибо, — сказал он, но благодарности в голосе не чувствовалось. Услышав женский голос, я взбеленился с новой силой. Чужак обошел стол, который нас разделял, и приблизился. Я подавил желание попятиться — не от страха, а от жгучей неприязни. Меня раздражало и то, как он двигался — абсолютно бесшумно, с вкрадчивой пластикой, и что-то эта походка смутно напоминала... Как у хищника, который привык красться, и было что-то еще, неуловимое, что и злило меня больше всего.